

Анатол Вульф

Штрихи на граните

Анатол Вульф

Штрихи на граните

«Accent Graphics communications»

Вульф А.

Штрихи на граните / А. Вульф — «Accent Graphics communications»,

Повесть о молодом художнике, живущем в 1980-е годы в Ленинграде. Получив отказ на выезд из СССР, герой оказывается в положении внутреннего эмигранта.

Комические и трагические события наполняют его жизнь, заставляют переосмыслить происходящее. Изгой, застрявший там, где он не видит для себя будущего, пытается наполнить свою жизнь каким-то смыслом.

© Вульф А.

© Accent Graphics communications

Содержание

Предисловие	5
Часть первая: «Воронья слободка»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анатол Вульф

Штрихи на граните

Предисловие

Дорогой читатель! События, рассказанные в этой книге, действительно происходили в смутное советское время. Конечно, имена и фамилии моих героев были изменены, чтобы сохранить их... у-у-упс! Вот тут мы и натолкнулись на полное отсутствие нужного в данном случае слова в русском языке. Может, оно нам и вообще ни к чему, это понятие, называемое в английском языке PRIVACY?

Не знаю, как теперь, поскольку я уже около 30 лет живу в Америке, но в советское время о PRIVACY мало кто заботился. Большинство советских людей о таком слове и понятии, вероятно, даже и не догадывались.

Многое изменилось в России, да и во всем мире, за эти годы, но то время, какое бы смутное оно ни было, было временем нашей юности, наших надежд, нашей дружбы. Тогда, в той России, нам вечно чего-то не хватало, мы чувствовали себя обобранными, оболваненными, наглухо запертыми в душном нашем неуютном отечестве, но единственное, чего у нас было действительно хоть отбавляй, – так это юмора. Моя бабушка однажды заметила: «У нас очень легко быть счастливым, – вот пришел в магазин, а там селедку дают, – купил и стал счастливым, потому как могло ведь ее там и не быть!»

В этой книге я постарался предоставить возможность читателю заглянуть в то время, увидеть, как мы там жили, о чем мечтали. Время это прошло и, вероятно, никогда больше не повторится, и именно поэтому я и почувствовал необходимость рассказать о нем.

Часть первая: «Воронья слободка»

Максим жил в хрущобе, на пятом и последнем этаже, в коммуналке из трех комнат, с невообразимо крохотной кухней, но с отдельным санузелом. Райончик тоже был не ахти, как говаривал один приятель Максима: «Тут каждый второй с подбитым глазом».

Вообще-то, Максиму повезло, не многие его сверстники могли похвастаться такой роскошью, как собственная комната, хотя бы и в коммуналке. Большинство из них в свои 25–26 лет жило с родителями, частенько тоже в коммунальной квартире, и хорошо еще, если не в одной комнате. Когда-то в этой комнате жили бабушка и дедушка Максима, и, чтобы «площадь» не пропала, родители постарались прописать туда Максима, и, после смерти бабушки и дедушки, он стал полноправным наследником их жилья с законной пропиской.

Шел 1981 год, после провала Олимпиады 80-го года, когда западные страны выразили свой протест против советского вторжения в Афганистан бойкотом Олимпийских игр в Москве, советская сторона ответила полной отменой выездных виз в Израиль, и многие, уже сидевшие на чемоданах, попали в отказ. В их числе оказалась и семья Макса. У Максима была старшая сестра, уехавшая с семьей формально в Израиль, а на деле в Америку, еще в 1978 году. Родители их ехать никуда не собирались, но под напором Максима и его сестры все же решились подать заявление на выезд в 1980 году. И вот, на тебе, все дело застопорилось на неопределенное время. Максим к этому моменту уже закончил «Муху» и теперь зарабатывал на жизнь наглядной агитацией. Иногда он пошучивал относительно своей работы – малюю профили Ленина то влево, то вправо.

Максим вышел из метро и подошел к киоску, чтобы купить сигарет. В витрине киоска аппетитно поблескивали яркие упаковки американских сигарет – наследие неудачной Олимпиады. Закупленные по такому случаю западные товары не были раскуплены неприехавшими туристами, и все эти излишки, выброшенные на внутренний рынок, пока что радовали жаждущее хороших товаров население. Максим купил пачку Camel и с удовольствием затянулся крепким, но ароматным табачком. Скоро все эти запасы кончатся, – думал он, – и придется опять переходить на совсем не такие ароматные болгарские Ту-134 или вообще на скверно просушенный «Ленинград». На остановке автобуса толпился народ, напирая на кучи талого грязного снега у обочины. Был март, и уже начало теплеть и мокреть. На первый автобус не сяду, – подумал Максим, – надо постараться встать в первый ряд, тогда хоть влезу в следующий. Второй автобус подошел почти сразу после первого, Максим выбросил недокуренную сигарету и приготовился к посадке. Народ стал напирать сзади, и Максим почувствовал, что его толкают с тротуара в кашу снега и прямо под подъезжающий автобус. Шофер автобуса притормозил немного, и у Максима был шанс укрепить свое положение на тротуаре. Задняя дверь остановилась, на удачу, прямо перед ним, и Максима втолкнули в едва успевшие открыться двери. Внутри было уже много народу, и вновь прибывшие вдавились в те полметра, что еще оставались свободными. Максима сплющило между старенькими и новенькими пассажирами, и он застыл как в невесомости. Так проехали несколько остановок, на остановке Максима народ задвигался, некоторые собирались выходить, кто-то матюгнулся в сердцах, боясь проехать свою остановку. Волна выходящих пассажиров вынесла Максима на свежий воздух. Немного переведа дух, Максим пошел в свою парадную, она была прямо возле остановки автобуса. На лестнице ему попался сосед по квартире Василий Иванович Голяк, или Котенок, как его называла вся квартира. Прозвище это он получил от своей сожительницы Соньки, окрестившей его так, вероятно, из нежных побуждений, народ в квартире это быстро подхватил, и с тех пор иначе как Котенком его никто и не называл.

Котенок нес в руках большой металлический бидон для пива, сделанный им самим на заводе, где он работал. Там же он сварганил и самогонный аппарат, через который неустанно гнал самогон из чего придется и в «тайне» от соседей.

– За пивком собрались, Василь Иваныч? – вместо приветствия спросил Максим.

– Да, как положено, 5 литров беру каждый вечер, – отвечал Котенок, – не видал, большая там очередь, возле пивларька то?

– Да вроде небольшая, – ответил Максим.

Котенок когда-то работал шофером на экскурсионном икарусе, но однажды выпил лишку своего пива и заснул за рулем. После аварии его с треском уволили и лишили водительских прав, теперь он работал на каком-то заводе, в самых неквалифицированных сферах, большей частью просто возил что-то из цеха в цех. Родом он был из Украины, по которой частенько скучал. Потому и пиво он произносил как «пыво», что как «шо» и где как «хде».

В квартире было тихо, видно никого больше дома не было. Кроме Котенка и Соньки, которые занимали самую маленькую комнату, в другой комнате, приблизительно такого же размера, как и у Максима – в 15 квадратных метров, жили Анька с Санькой, – люди без определенных занятий и сильно пьющие. Пили они, правда, не всегда, но частенько уходили в запой, продолжающиеся неделями, потом немного «просыхали» и чистили свою конуру, а затем начинали скучать и опять уходили в запой. Жили они непонятно на какие средства, Анька, бывало, где-то эпизодически подрабатывала, а Санька вообще вечно болтался с мужиками возле пивларька или у винного магазина. Ели они крайне мало и нерегулярно, а когда уходили в запой, то вообще могли целую неделю протянуть на одной буханке хлеба – в алкоголе ведь тоже есть калории. Оба они сидели какое-то время в тюрьме, она за кражи, а он за драки, тунеядство и сопротивление милиции.

Максим отпер ключом дверь и вошел в свою комнату. Окно было почти во всю стену, и потому комната была светлой. Возле окна стоял дедовский добротный письменный стол, рядом с ним располагалась довольно узкая кушетка, на которой спал Максим, а у другой стены стоял старый вместительный книжный шкаф, куда Максим складывал все свои вещи. На верхних полках под стеклом у него стояли книги, а на нижних, где створки шкафа были незастекленными, он держал свою одежду и постельное белье. У той же стены стояло изрядно потрепанное кресло-кровать и маленький холодильник, где Максим держал все свои немногочисленные продукты.

Максим отдернул штору на окне и приоткрыл форточку, в комнате было немного затхло. Прохладный мартовский ветерок вдохнул немного свежести внутрь. Максим взял из холодильника яйца и пошел на кухню жарить яичницу с сосисками, его кулинарные способности и материальные средства не способствовали гурманству. За входной дверью послышалось бряканье ключей, и через минуту на кухне появился Санька. Его рыжеватая шевелюра торчала, как всегда, в разные стороны, а серо-голубые глазки мутноватым взором впились в Максима. – М... М-М... Макс, у т... т-т... тебя не б-б-б... будет пятёры до получки? – спросил Санька. Он немного заикался.

– Да нет, я сам получки жду, – ответил Максим. Он знал, что лучше ничего не давать, во-первых, тут же попросит еще, а во-вторых, все равно ничего не отдаст.

– Ну д-д-д... д-д... дай, Максик, очень выпить хочется, – заныл Санька.

– Да говорю тебе, нет у меня ни копейки.

– Н... н... н-н-н-ну ты, бля, жиденок! – обиделся Санька. – Т... т-т... тебе надо будет, я тебе тоже ни хера не дам, и не проси. – Он круто повернулся и пошел пытаться счастья где-то на улице.

II

Максим носил фамилию матери, но всегда в душе предпочитал звучную, как он считал, фамилию отца Рейнберг невзрачной материнской фамилии Петренко. Поскольку мать была русской, то и Максима родители записали русским и дали ему фамилию матери. Пятый пункт таким образом Максима не касался, и жизнь его должна была быть от того спокойнее и счастливее; по крайней мере так думали его родители. Но, видимо именно от того, что Максим формально был русским, он никогда не старался скрыть отцовскую национальность. Не то чтобы он кричал об этом на каждом шагу, но, при случае, говорил об этом открыто и уж никак этого не стеснялся. Однажды он окончательно собрался поменять фамилию на отцовскую и даже пошел в паспортный стол, но паспортистка сразу ему сказала: «Ваши действия, молодой человек, лишены всякого здравого смысла, все люди с иностранными фамилиями только и мечтают поменять их на типично русские, а вы хотите сделать наоборот. Подумайте, ведь вам придется поменять все ваши документы, включая военный билет». Услышав про военный билет и представив себе, как ему придется идти в военкомат и, вероятно, даже проходить переосвидетельствование, Максим извинился, что зря побеспокоил паспортный стол и решил оставить пока все как есть.

Сразу после окончания школы, а Максим учился в художественной школе, где было 11 классов, его вызвали в военкомат как призывника. В то же лето Максим сдавал вступительные экзамены в Муху, но с первого раза не поступил, и ему грозила армия, так как институтская отсрочка на него уже не распространялась. Мама забеспокоилась – куда ему, щупленькому, маленького роста, и в армию? Там же его будут обижать. Отец смотрел на это проще – ничего, мол, пойдет, повзрослеет. Отец сам пошел на фронт в 17 лет, горел в танке, был ранен.

Однако мама не успокоилась, да и сам Максим не жаждал ухлопать два-три года на жизнь в бараках. Любовь Николаевна созвонилась со знакомыми врачами, те стали спрашивать, какие у Максима есть болезни, и, узнав, что у него с детства был псориаз, посоветовали пойти в кожный диспансер и срочно встать на учет. Псориаз у Максима был не сильный, даже не псориаз, а псориазишко какой-то, чуть-чуть на локтях, бывало, выступали красноватые пятна да временами еще где-нибудь. В диспансере его болезнь сразу, по знакомству, задокументировали, хотя никаких пятен в тот момент, как назло, у него вообще не было.

Кроме того, у Максима еще была врожденная паховая грыжа, доставшаяся ему по наследству от отца, у того были две грыжи с обеих сторон, одну ему прооперировали, а со второй он так и ходил, периодически вправляя ее сам. Макса грыжа мало беспокоила, и оперировать он ее пока не собирался, лезть под нож советских хирургов совсем не входило в его планы. На такое можно было бы пойти только в случае вопроса жизни или смерти.

На предварительном осмотре в военкомате его грыжу, конечно, сразу же выявили и направили Максима на осмотр в поликлинику. Мама пошла с ним.

Просидев с полчаса в очереди, они вошли в кабинет врача, который оказался женщиной. Кроме врача, в кабинете еще присутствовали две молодые медсестры, и сама врач тоже была отнюдь не пенсионного возраста. Медсестры полусидели на письменном столе, за которым восседала врачиха, их позы наталкивали на заключение, что им невероятно скучно и что они просто убивают здесь время.

Выслушав объяснения мамы Максима, зачем они пришли, врач бесцеремонно предложила Максу спустить штаны. В душе Максим немного поколебался, но решив, что ему стесняться нечего, пусть лучше они смущаются, резким движением расстегнул ремень и спустил свои джинсы до колен. Врач попросила его подойти к столу поближе и стала щупать у него в паху. Краем глаза Максим уловил, что медсестры с трудом сдерживали улыбку на

лице. Пощупав немного, врач заключила, что у Максима присутствует левосторонняя паховая грыжа и что эту грыжу надо срочно прооперировать. Мама Максима сказала, что им надо все это хорошенько обдумать.

– А что тут думать! – возразила врач. – Он же бомбу на себе носит, а вдруг ущемление? – он же помрет!

Но Любовь Николаевна все равно не сдалась, Максим натянул свои штаны, и они пошли домой.

Военно-медицинская комиссия признала Максима негодным к службе в армии из-за распространенного псориаза. Ему торжественно объявили, что служить в мирное время он не будет (это прозвучало музыкой в его ушах), и выдали Максиму военный билет. Вскоре, однако, где-то наверху кому-то пришла гениальная идея брать призывников с псориазом в армию, – дескать, нечего им из-за такой ерунды сачковать, – и периодически Максиму приносили повестки из военкомата на переосвидетельствование. Посылали какого-нибудь парня, только что прошедшего медкомиссию, с повесткой к Максиму на дом, Максим иногда сам открывал дверь и на вопрос, есть ли Максим Петренко дома, отвечал, что тот уехал далеко на север и неизвестно когда вернется. Призывникам это было «по барабану», и они, отдав повестку Максиму, уходили с сознанием выполненного долга. А Максим тут же шел к мусорному ведру и бросал повестки туда. И не столько самой армии боялся Максим, как того, что могли бы отправить его в какие-нибудь ракетные войска, а потом уж точно не дадут выехать из страны по причине секретности. Вечно ОВИР выдумает свои причины для отказа, а тут и придумывать им ничего не надо будет.

III

В эти выходные Максиму надо было работать, писать плакаты для одного завода. На самом деле выходные были у нормально работающей публики, а у Максима работа была не нормированная, работал он, когда были заказы, а они были, к счастью, почти всегда. Вот и теперь ему надо было поспеть к сроку со всем этим кормящим его бредом. По всей комнате у него были разложены планшеты с натянутой бумагой, и он валиком покрывал их гуашью, затем по трафарету наносил необходимые советские символика, а затем плакатным пером писал никем никогда не читаемые социалистические обязательства и прочую галиматью.

В прихожей ржаво пискнул звонок, и Максим пошел открывать. Это оказался Сеня, друг Макса еще по институту.

«Вечно этот Сенька припрется не вовремя, – подумал Максим, – мне работать надо, а он, наверное, бутылку припер».

– Привет, старик! – поприветствовал Максима Сеня. – У тебя на закус чего-нибудь найдется? Я тут бутылку испанского притащил.

И он вытянул пузатенькую бутылку из своей сумки.

– Да мне работать надо, может, в другой раз? – робко попытался возразить Максим.

– Ну ты чего, старик, выпьем немного, и опять будешь работать, давай тащи закусок...

Максим обреченно вздохнул, открыл холодильник и вытащил оттуда остатки колбасы и сыра. Сеня достал из шкафа стаканы и расположил их на журнальном столике.

– Ну, поехали! – сказал он.

Разговор как-то не клеился, Максим был не в настроении, а Сеня все пытался расшевелить его своими шутками, но они выходили какими-то корявыми и не смешными. Промаявшись так с часок, Сеня собрался уходить, и Максим был этому рад. Он любил Сеню и в другой раз с удовольствием бы поболтал и выпил бы с ним, но когда надо было работать,

Максим никак не мог расслабиться. И вообще, он терпеть не мог эту российскую привычку припирается к друзьям без звонка, когда просто в голову придет такая идея.

– Да, кстати, ты знаешь, Макс, мы тут собрались с Витькой поехать в Зеленогорск в дом отдыха, на лыжах покататься, пока снег еще лежит. Ты не хочешь к нам присоединиться?

– А как я поеду, у меня-то путевки нет? – спросил Максим.

– Да мы тебя пристроим, у нас в комнате будешь спать, либо со мной, либо с Витькой.

– Хорошо, я подумаю, вообще-то, неплохо было бы выехать на природу.

Только Максим вернулся, наконец, к своей работе, как в квартиру опять кто-то позвонил. Максим открыл дверь и, к своему удивлению, увидел милиционера.

– Здравствуйте! – сказал милиционер. – Это вы будете Максим Петренко?

– Ну, я! – Максим уже начал нервничать.

– Разрешите войти? – спросил милиционер.

– Да, да, проходите, пожалуйста, – а в чем, собственно, дело?

Милиционер зашел в крохотную прихожую и тут же заполнил все ее пространство. Он был крупный, дородный мужик с красным лицом. Максим почувствовал себя пигмеем, и ему страстно захотелось немедленно подрасти хоть на 10 сантиметров.

– Я к вам с проверочкой, вы в настоящее время работаете?..

– Да, безусловно, работаю, делаю плакаты для наглядной агитации, я художник-оформитель, – ответил Максим.

– А где именно вы числитесь на работе?..

– Ну, я для разных предприятий работаю, по договорам.

– Вот это неправильно, каждый советский человек должен где-то числиться, а то, о чем вы говорите, вовсе и не работа, а так, халтурка. Так что давайте оформляйтесь на какое-нибудь предприятие по всем правилам, а то ведь вы и под статью можете попасть, за тунеядство и паразитический образ жизни.

– Но, позвольте, я же постоянно работаю, даже по выходным, – возразил Максим.

– Закон, молодой человек, – есть закон – не мы его придумали, и не нам его менять. И вообще, как говорится – кто не работает – тот не ест! А я еще к вам наведу, как-нибудь опосля, проверить, работаете вы или нет.

Настроение у Максима совсем упало. В голове забегали нудные мысли, и засосало где-то в животе. Он взял валик и начал грунтовать гуашью очередной планшет с натянутой на нем бумагой.

Максим работал далеко за полночь, соседи уже давно похрапывали в своих комнатах, а у Котенка еще и трещал невыключенный телевизор. Максим тихонько слушал на своем ВЕФе «Голос Америки», иногда слышимость была неплохая, а иногда глушилка совсем забивала своим воем голоса с той стороны «железного занавеса». Максим уже порядком подустал, надо бы пойти спать – подумал он, – но ему хотелось сделать еще побольше, и он все откладывал момент отдыха.

Кто-то сделал несколько шагов по коридору, и затем послышалось журчанье льющейся воды. Макс в сердцах выругался и в тот же момент услышал громкий голос Аньки: «Ебанный ты попугай, Котенок! Опять на мою дверь нассал!..»

Из коридора слышались голоса и других проснувшихся обитателей коммуналки.

– Н... н-н... нажрался, сука, своего пыва, а теперь ссыт нам под дверь, тебе, м-м-м... мудаку что, до горшка не дойти?! – разорвался заспанным голосом Санька.

Котенок скрылся от них в туалете и не подавал никаких признаков жизни. Максим даже и не думал выходить, такие перлы Котенок устраивал уже не в первый раз, и надеяться на какие-либо изменения в его характере не приходилось.

– Ну и хер с ними, – подумал Максим, – может, мне повезет, и когда-нибудь я все же уеду от всего этого.

Утром Максим позвонил Сене и сказал, что готов поехать с ним в Зеленогорск.

IV

В тамбуре электрички было холодно, Максим с Витей вышли покурить, а Сеня, не имеющий такой дурной привычки, просто поддерживал своим присутствием компанию. Какие-то парни в том же тамбуре соображали на троих. У них был только один стакан, и они пили из него все по очереди. Максим разглядывал предупреждающую надпись на дверях вагона, некоторые буквы или их части были старательно стертые, и она гласила: «Не писоться, двери рыгают ароматически!». Ему не раз уже попадались такие надписи, и он в очередной раз изумился настойчивости и терпению их создателей.

– Сейчас, как приедем, надо в магазин, ребята, – сказал Сеня, – а то закроется.

– Сразу и зайдем, ясное дело! – одобрил идею Витя.

Он был долговязым, немного сутулым парнем. Максим с Сеней давно с ним дружили. Витя был музыкантом, духовиком, и играл на тубе. Максим познакомился с ним, еще когда они учились в школе, Максим в художественной, а Витя в школе при консерватории. Они часто ходили друг к другу на школьные вечера, бывали в одних компаниях. Затем Витя окончил консерваторию, а теперь играл в оркестре Малого Оперного театра.

У винного магазина толпилась очередь, к счастью она двигалась довольно быстро, и через полчаса друзья, отоварившись двумя бутылками водки, уже вышли обратно на улицу и, положив свои лыжи на плечи, пошли к дому отдыха. Сене с Витей выделили маленький домик, или, вернее, половину его, где была только одна комната. Максим сразу в домик не пошел, а погулял вокруг, пока ребята вели переговоры с сестрой-хозяйкой, которая пригрозила им, чтоб не баловали и содержали комнату в чистоте.

Следующие два дня прошли как дни здоровья, с утра, часиков в 11 ходили вдоль залива на лыжах, а после обеда устраивали сабантуй, переходящий в ужин. Погода стояла прекрасная; солнце отбрасывало голубоватые тени на искрящемся снегу и своим, уже веющим весной теплом, приятно компенсировало прохладный, зимний ветерок. Снег еще всю лежал, только кое-где, на совершенно открытых солнцу местах видно было подтаиванье. Лыжи легко скользили по хорошо накатанной лыжне, и так было приятно вдыхать свежий морской воздух и катить, катить все дальше и дальше. После обеда Сеня обычно опять укладывался в постель поспать, отчего он отсыпался, было непонятно, на работу ему вставать спозаранку было не нужно, он вообще в данный момент нигде не работал и жил с родителями.

Максим спал с Витей валетом, ночью длинные Витины ноги часто упирались Максиму куда-то в бок и мешали заснуть, Максим в отместку тоже пихал Витю ногой, чтобы тот не брыкался.

На третий день ребята опять собрались на утренний лыжный моцион и, как только вышли на улицу, столкнулись лицом к лицу с сестрой-хозяйкой, женщиной пожилой и вечно чем-то недовольной.

– Ага! – воскликнула она. – Вот они, голубчики!..

– Простите? – сказал Сеня (по ее тону было понятно, что она на них за что-то сердится).

– Вы что здесь устраиваете? Девочек вам не хватает, так вы теперь с парнями спите? – гневно воскликнула сестра-хозяйка.

– Вот он, – и она указала на Максима, – у него нет путевки, и он здесь не может больше ночевать, а если я его еще раз здесь ночью увижу, сообщу в администрацию, и тогда вам будет... уж не сомневайтесь.

И с этими словами она удалилась по своим важным хозяйственным делам.

– Ну, что будем делать? – спросил Витя.

– Да, ситуация! – сказал Сеня. – Какие будут предложения?

– А может, наплюем на нее, что она нам сделает? – спросил Витя.

– Очень даже может сделать нам большую бяку, – заметил Максим, – Если она поднимет шум, они могут действительно нам дело пришить, и попробуй потом докажи, что ты не гомик, посадят нас всех за гомосексуализм.

– А у меня есть идея! – воскликнул Сеня. – Помните, мы вчера девчонок встретили, Машку и Вику, они сказали, что в нашем же доме отдыха сейчас, только в домике побольше и комната у них царская, – давайте попробуем Максима к ним подселить!..

– Мне эта идея точно нравится! – обрадовался Максим. – Только как это ты себе представляешь, я приду к ним и скажу – девочки, я буду с вами сегодня спать?

– Во-первых; не с вами, а у вас, – сказал Сеня, – хотя, конечно, я уверен, что ты именно это имел в виду, а во-вторых; мы поступим хитрее – мы купим вина и нагрянем к ним в гости, а когда дело будет близиться к ночи, мы с Витькой распрощаемся и уйдем, а ты посидишь еще немного, а потом скажешь, что тебе, вообще-то, негде спать, они тут сжались, конечно, и оставят тебя у них.

– А если нет? А что, если не оставят? – засомневался Максим.

– Да оставят, старик, не волнуйся, – сказал Сеня, – у них же женское сердце, ну не дадут же они чуваку умереть на морозе.

К вечеру, найдя нужный им дом и комнату, друзья постучались в дверь к девушкам. Те, казалось, были рады неожиданному визиту и сразу стали расставлять на столе закуску. Мило побеседовав и посидев необходимое для приличия время, Сеня с Витей встали и сообщили, что им срочно надо уходить, поскольку их вреднющая сестра-хозяйка запрет в 11 часов дверь и они не попадут в свою комнату. Максим сидел тихо и тем самым как бы показывал, что ему торопиться некуда и он пока поддержит компанию. Когда Сеня и Витя ушли, Максим впал в состояние, сходное с тем, которое описывалось у Ильфа и Петрова как «Остапа понесло». Максим без умолку рассказывал девушкам самые невероятные истории и анекдоты, словом «вешал им лапшу на уши». Больше всего он боялся остановиться и возбудить неизбежный вопрос – а не пора ли тебе домой? Вначале девушки слушали его с большим вниманием, Максим был хорошим рассказчиком, но чем дальше за полночь двигалось время, тем больше они зевали и внимание их все более рассеивалось. Максим тянул резину сколько мог, но, в какой-то момент, когда девушки уже совсем устали от его словоблудия, Вика, прервав его на полуслове, вдруг сказала – Максим, мы уже хотим спать, тебе не пора домой?..

– А... а... а... – протянул Максим, – тут, вообще-то, такое дело... мне спать негде, – и тут он рассказал о разговоре с сестрой-хозяйкой. Вика с Машей ему посочувствовали, но оставлять его у себя отказались наотрез. Сколько Максим ни старался их уговорить, сколько ни упрашивал позволить ему спать на коврик у дверей, девушки никак не соглашались оставить его на ночь и поставить свою девичью репутацию под удар. Максим про себя решил, что девчонки, видимо, тоже боятся своей сестры-хозяйки, иным образом он никак не мог объяснить их упрямства. Он вежливо попрощался и гордо вышел в морозную ночь. Надо было быстро соображать, что теперь делать, пойти к Сене с Витей он боялся, сестра-хозяйка наверняка придет поутру проверить, если он там, и застучает его в постели с другим парнем. Иные варианты пока не всплывали в его мозгу, и Максим поплелся куда глаза глядят, просто чтобы согреться. Так он брел под хруст снега под ногами и набрел на какой-то деревянный домик, вероятно тоже относящийся к тому же дому отдыха. На удачу, дверь в дом была не заперта, и Максим вошел в большую прихожую, в которой ничего не было, кроме половика у входной двери. Недолго думая, Максим растянулся на этом коврике и почти сразу заснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.